

М. С. ИВАНОВ

ИРАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ОУРАЗАН

Крестьяне составляют подавляющее большинство населения современного Ирана. По последним данным, около $\frac{3}{4}$ всего населения этой страны живет на средства, получаемые от сельского хозяйства¹. Из этого ясно, что исследование условий жизни и быта крестьян, изучение иранской деревни представляют большой интерес и крайне необходимы для уяснения общего положения в этой аграрной стране. В советской литературе имеется много статей и обзоров, посвященных аграрным отношениям в Иране и положению крестьян этой страны в целом. Но как конкретно выглядит иранская деревня, каковы условия жизни и быта крестьян той или иной деревни в Иране — эти вопросы в нашей литературе освещены очень слабо.

Поэтому ознакомление с выпущенной в 1954 г. в Тегеране издательством «Кетабхане-е Данеш» небольшой книгой Джелала Аль-Ахмада под названием «Оуразан. Ваз-е махалл, адаб ва росум, фольклор, лахдже» (Деревня Оуразан. Ее местоположение, обычаи, фольклор, диалект) представляет значительный интерес. В предисловии автор сообщает о себе, что он не является ни филологом, ни этнографом, ни экономистом, а лишь пытается дать детальное описание одной типичной деревни.

Судя по сообщаемым автором о себе сведениям, а также по характеру его работы, Аль-Ахмад является далеким от марксизма представителем иранской интеллигенции. Он не ставит перед собой цели дать анализ социально-экономических условий и отношений в деревне Оуразан. Но, хорошо зная эту деревню, которая была родиной его родителей и дедов, Аль-Ахмад подробно описывает деревню Оуразан и ее жителей, жилища крестьян, их занятия, условия и образ жизни, положение женщин, обычаи, быт, нравы, приводит довольно много сведений о языке и фольклоре оуразанцев. Добросовестно рассказывая об этой деревне, Аль-Ахмад приводит интересные факты, свидетельствующие об остатках сельской общины, о старосте деревни (кедхода) и его обязанностях, о порядке пользования и переделах земли и т. п. В его описании имеются также и некоторые данные, свидетельствующие о происходящей в иранской деревне классовой дифференциации. В целом автор рисует наглядную картину иранской деревни, являющейся основным первичным звеном социальной структуры Ирана. В этом состоит ценность работы Аль-Ахмада. Свои заметки о деревне он делал на месте, во время неоднократного пребывания там.

Оуразан — горная деревня волости (дехестана) Верхний Талеган, входящей в состав района (бахша) Талеган. Район Талегана расположен в северной части Иранского нагорья, к востоку от г. Казвин, в горной долине, по которой протекает река Шахруд. На севере он граничит с Тонекабуном, на западе — с Аламутом, на юге — с Соуджбулагом. Деревня Оуразан находится в восточной части Талегана на крутом южном склоне холма, у подножья окружающих ее высоких гор. В связи с тем, что этот район расположен очень высоко над уровнем моря, климат здесь очень холодный. В течение пяти месяцев в году лежит снег и часто свирепствуют бури и метели. В это время связь деревни с внешним миром почти прекращается. Деревня Оуразан, состоящая из трех кварталов, расположена в нескольких десятках километров от шоссе Тегеран — Казвин и связана с этим шоссе дорогой, по которой могут пройти только мулы. Главным транспортным средством служит река Шахруд, по которой в конце лета сплавляется заготовленный в Талегане лес.

По официальным данным, приведенным в первом томе «Географического словаря Ирана»², число жителей деревни определяется в 684 чел. Однако автор, ссылаясь на сведения, полученные от кедходы Оуразана в 1947 г., пишет, что в действительности в деревне всего 100 семей, насчитывающих 460 чел. Жители Оуразана считают себя потомками двух сеидов: Ала-эд-Дина и Шараф-эд-Дина, которые якобы много поколений назад основали это село. Все жители, за исключением женщин из других деревень, вышедших замуж за оуразанцев, считают себя родственниками и называют

¹ H. Vreeland (Edit.), Iran (Country Survey series), New Haven, 1957, стр. 154.

² «Фарханг-е джографийе-е Иран», т. I, Тегеран, 1949, стр. 26.

друг друга «песар-е аму» и «дохтар-е аму» (двоюродными братьями и сестрами). Клянутся жители деревни обычно своими предками — «беджадд-ам». Говорят оуразанцы так же, как и все талеганцы, на местном диалекте, который они называют «тати» — татский. Автор пишет, что в отношении языка, культуры и экономического быта оуразанцы ближе к населению расположенных к северу от Талегана районов Мазендерана, чем к Соуджбулагу. Все пастбища, пахотные земли, сады и дома деревни считаются принадлежащими не помещику и не самим крестьянам, а вакуф-формы. (К сожалению, автор не говорит, чьим вакуфом является деревня Оуразан и каковы обязанности крестьян в отношении тех, в чьем ведении находится вакуф.) Земли эти не могут быть проданы ни жителям деревни, ни за ее пределы.

Вся пахотная земля деревни делится на 48 долей, которые называются «чарек». В руках одного домохозяина имеется не более одного чарека земли (автор не сообщает, какой площади равен один чарек). Всего в деревне на 100 семей приходится 48 чареков земли. Некоторые крестьяне имеют по целому чареку, но большинство других располагает значительно меньшими участками. Ушедшие из деревни сдают свою долю земли (по сведениям автора, 8 чареков, т. е. $\frac{1}{6}$ всей пахотной земли оуразанцев) в аренду. Арендная плата взимается на основе правила «се кут»: сдающему в аренду принадлежат только земля и вода, и он получает $\frac{1}{3}$ урожая. Арендующий обеспечивает рабочую силу, семена и рабочий скот и получает $\frac{2}{3}$ урожая. Солома принадлежит владельцу быков. Производится систематический (через каждые 2—3 года) передел пахотной земли между крестьянами.

Основные занятия крестьян — скотоводство и земледелие, при преобладании скотоводства. Пахотная земля камениста, не отличается плодородием, и поэтому часть ее не используется. В свободное от сельскохозяйственных работ зимнее время мужчины уходят из деревни на заработки — на угольные копи Абек и Хиу. Кроме того, крестьяне занимаются пчеловодством, изготовлением грубошерстных тканей, обуви и сбором катиры. Из овечьей шерсти выделывают грубые ткани для зимней одежды, чулки и носки. Производятся также «дждаджимы» — маленькие разноцветные, полосатые коврики, употребляемые для покрытия постелей, и курсы³. Изредка ткнут обычные маленькие коврики — «галиче». Привозной холст для рубашек и шаровар обычно красят на месте в очень стойкий синий цвет. Продукты скотоводства, главным образом сыр и шерсть, вывозят в Мазендеран и Соуджбулаг. На вырученные от продажи деньги привозят из Мазендерана рис, уголь, трут (в деревне до сих пор курящие пользуются кремнем и трутом, а печи зажигают самодельными сернистыми спичками, которые по размеру в 5—6 раз больше фабричных). Из Соуджбулага привозят сахар, табак и хлопчатобумажные ткани.

Поля деревни засеваются главным образом просом, которое является более холодостойкой культурой. Сеют также ячмень и пшеницу, которая только в очень урожайные годы родится сам-семь. Поля деревни орошаются из кyarизов, вода для которых берется из источников, расположенных выше деревни. Вода в большой кyarиз отводится в сторону деревни из стекающей с гор и питающейся снеговыми водами речки посредством тоннеля длиной около 40 м. Жители деревни отличаются большим искусством в прорытии каналов и кyarизов. В центре деревни имеется большой источник. Он обложен кругом камнями и образует, таким образом, большой водоем, в котором моют посуду, одежду, ковры и из которого даже обмывают покойников. Вода его используется для орошения садов и затем впадает в протекающий рядом с деревней приток р. Шахруд. Питьевую воду жители деревни берут из источников. Воды реки используются только для мельниц, которых в деревне четыре. Две из них принадлежат отдельным хозяевам, третья является общей собственностью жителей квартала Джевар, а четвертая — общей собственностью жителей квартала Миян. Доходы с общих мельниц распределяются среди крестьян пропорционально величине земельного надела крестьянина и приходящейся на его долю воды. За раз-мол зерна взимается $\frac{1}{10}$ часть муки.

Поголовье скота состоит из овец, коз, коров, мулов, ослов. Зимой скот содержится в хлебах, из которых его выпускают один раз в сутки, чтобы напоить из водоема, находящегося в центре деревни. Корм, состоящий из заготовленного летом сена, сбрасывается скоту через отверстие в крыше хлева. В конце апреля, после того как в горах сойдет снег, скот выгоняют из хлебов на пастбище. Меньшую часть скота выгоняют на пастбища, расположенные недалеко от деревни. В течение всего лета эта часть скота ежедневно возвращается вечером в деревню для ночевки и доения. За этим стадом смотрят специальные пастухи, которые получают с каждой головы скота по 1 чареку (750 гр)⁴ пшеницы. Весьма интересен порядок доения этой части скота. Каждый крестьянин в течение нескольких дней за лето, в соответствии с количеством имеющегося у него скота, доит весь скот и берет себе все полученное молоко. Пастухи, возвращая вечером стадо в деревню, сначала подгоняют его к дому того крестьянина, чья очередь в этот день доить, и только после доения гонят скот к домам хозяев.

³ Курсы — низкий квадратный столик, под который ставится жаровня с раскаленными углями на металлическом подносе; сверху он покрывается большим стеганым одеялом, под которым обгреваются сидящие или лежащие вокруг жаровни.

⁴ В деревне Оуразан термин «чарек» (буквально — четвертая часть) применяется как мера веса и как мера площади земли.

Большая часть скота с наступлением весны выгоняется на находящиеся далеко от деревни горные пастбища и остается там в течение всего лета до осени, не возвращаясь в деревню. Это стадо обслуживают 5—6 пастухов, не получающих за это платы. Они выделяются крестьянами поочередно на срок, определяемый в зависимости от оличества принадлежащего каждому хозяйству скота. Спят пастухи в палатках. Там же на пастбище они доят скот, делают сыр и отправляют его на мулах для продажи. Летом скот пасут и по ночам, давая ему в течение нескольких часов отдых а закате солнца и на рассвете. В середине лета, в самое жаркое время года, все сители деревни, за исключением стариков и занятых на полевых работах, уходят в оры для массовой стрижки шерсти. При этом стрижка овец производится сообща, о, после того как работа заканчивается, каждый забирает себе шерсть от своего кота. После окончания летнего сезона и полевых работ шерсть прядется при помощи еретен. Во время работы в горах жители режут нескольких баранов, варят мясной уп (абгуст) и студень (келле-паче). Пася скот, пастухи собирают в свои сумки ушницу (абшан) и другие горные растения (валак, шурак), которые затем употребляют в пищу. На горных пастбищах, расположенных вокруг Оуразана, пасется скот е только этой деревни, но также и из района Соуджбулага, при этом с соуджбулагцев зыскивается плата за использование пастбищ. Эти деньги поступают в общий доход сителей деревни Оуразан (в 1945 г. они составили около 200 туманов) и делаются реди крестьян пропорционально количеству находящейся в их распоряжении земли по чарекам).

Трудовой день крестьян летом на пашне, севе и других полевых работах длится рассвета до заката солнца. Так как пашни находятся далеко от деревни, то мужины летом встают рано, не завтракают дома и, совершив намаз, пускаются в дорогу, тобы к восходу солнца прийти к месту назначения. Перед началом работы крестьяе завтракают. К полудню женщины приносят из деревни в посуде, которую они неут на головах, обед, состоящий из «аша» (супа), хлеба и сыра, а также пахтанья дуг) или сушеного кислого молока (кашк). Работу заканчивают перед заходом оlnца, закусувают хлебом с сыром и направляютс домой. По возвращении в деевню они ужинают, обычно едят снова «аш» и ложатся спать. Через час после захода оlnца редкий житель деревни не спит, и ни в одном доме не видно света.

Зимой в деревне сельскохозяйственная работа состоит только в уходе за скотом. Ее выполняют главным образом женщины, дети и старики, мужчины же уходят на аработки в промышленные районы.

Аль-Ахмад приводит некоторые, к сожалению, весьма ограниченные, данные о кедхода (старосте) деревни и его обязанностях. Он пишет, что кедхода назначается находящимся в Шахреке бахшдаром (начальником административного района, в соав которого входит деревня) по рекомендации стариков деревни сроком на четыре ода. Кедхода избирается из числа зажиточных крестьян и, как правило, среди жиелей квартала Джевар, которые более состоятельны, чем жители двух других кварталов. Одной из главных обязанностей кедхода является направление достигших 10-летнего возраста молодых людей для отбывания воинской повинности. Под его наблюдением осуществляется раздел общих доходов деревни от пастбы скота и производятся сборы на оплату деревенского цирюльника (по одному туману в год с каждого жителя) и на содержание деревенского банщика (по три чарека—около 2 кг шеницы с каждого члена семьи). Сбор налогов, о которых автор, к сожалению, ничего не говорит, очевидно, также входит в обязанности старосты.

Наличие общих доходов деревни от пастбы чужого скота, две общие мельницы, периодические переделы земли, порядок доения, пастбы скота и стрижки шерсти, признание всеми крестьянами деревни друг друга родственниками и некоторые другие признаки—свидетельствуют о значительном сохранении в деревне пережитков сельской и даже семейной общины. Автор книги не интересовался вопросом классовой дифференциации в деревне Оуразан, но приводимые им данные позволяют сделать вывод о том, что имущественное положение крестьян является далеко не равным. Об этом говорит сообщение Аль-Ахмада о назначении старосты из числа зажиточных крестьян, наличие мельниц, принадлежащих отдельным лицам, неравенство земельных наделов, наем пастухов и ряд других фактов. Ясно, что в лице владельцев мельниц и имеющих в своем распоряжении большие, чем у других, участки пахотой земли выступает зажиточная и кулацкая прослойки деревни.

Эти факты показывают, что, как и в других деревнях Ирана, в Оуразане происходит процесс классового расслоения. Выделившаяся небольшая по численности кулацкая верхушка эксплуатирует массу бедноты. Судя по сведениям Аль-Ахмада, этот процесс происходит замедленными темпами. Что же касается страны в целом, го, по сведениям иранской прессы, около 70% всех крестьян составляют бедняки, которые не в состоянии обеспечить себе ничтожный прожиточный минимум.

Аль-Ахмад сообщает, что во всех сельскохозяйственных работах в деревне Оуразан женщины играют важную роль. Они выполняют не только домашние обязанности, но во время сева, жатвы, молотбы, заготовки сена и других сельскохозяйственных работ трудятся вместе с мужчинами. Женщины Оуразана чадру не носят. Многие женщины работают, имея привязанными за спиной маленьких детей. Только пахота и ночные работы по орошению выполняются исключительно мужчинами. Тяжелый труд очень быстро старит женщин.

В деревне нет школы. Дети начинают работать очень рано. Сначала они выполняют мелкую работу, затем пасут скот, сопровождают мулов с грузами, участвуют в уборке урожая и выполняют другие обязанности. Большинство детей страдает трахомой; из-за этой болезни среди крестьян встречаются слепые. Никаким медицинским обслуживанием крестьяне деревни не пользуются. Как пишет автор, врачей жители деревни не знают. Воду из местного источника Чельчешме и реки Шахруд они считают лекарством от всех болезней. Больных лечат местные знахарки, которые являются также и повивальными бабками. Лишь пострадавших от увечья отправляют на осле в Шахрек — административный центр Талеганского района.

Крестьянские дома строят из камня и глины. Стены до пояса — каменные, а выше — глинобитные. Крыша представляет собой деревянный настил, смазанный глиной с соломой. В последнее время в строительстве жилищ стал применяться сырцовый кирпич (хешт). Комнаты внутри смазываются глиной, иногда белой. Дома либо вовсе не имеют дворов, либо дворы очень малы и служат только для прогона скота в хлев. Стекла в окнах — редкость. Как правило, дома не обносятся глинобитными стенами (дивар), а если отделяются друг от друга, то изгородями. Только дома, выходящие на улицу, отделяются от нее диварами. Жилища состоят из летнего (верхнего) помещения и зимнего, которое по существу является подвалом и называется «зирзамин» (подземелье). Зимнее помещение имеет только продушину в своде или над дверью. Посредине сложена печь (танур), на которой днем пекут хлеб, а ночью используют ее для обогрева спящих, как курси. Летнее помещение зимой используется под кладовую. Иногда имеются отдельные кладовые, посредине которых сложены большие печи, используемые как закрома, где хранят пшеницу, ячмень, просо. В кладовые складываются также различные орудия, ткацкие станки и т. д. Дома имеют айван — нечто вроде открытой веранды. Отдельной кухни нет. Вместо нее в одном углу айвана прикрываются три стороны, а четвертая, обращенная на юг или восток, оставляется открытой. Там устанавливается очаг, называемый «хеле», где летом готовится пища. Зимой это делается в хлебной печи. Такая печь имеется в каждой комнате, в том числе и в кладовой. Стены и потолок всех комнат из-за отсутствия вытяжек и вентиляций обычно густо покрыты копытью. Кроме кладовых, айвана и подвала, иногда имеется еще одна комната — гостевая. Здесь на полках и в нишах собраны все ценные и памятные вещи семьи — самовар, посуда, иногда кальян. Топливом служит главным образом собираемый в горах кустарник «гаван». В качестве топлива употребляется также высушенный на солнце навоз. Питьевая вода держится в небольших глиняных сосудах, покупаемых в Соуджбулаге. Из источников вода доставляется в кварталы в больших сосудах. Приготовленные на зиму сыр, мясо, масло, мед хранятся в кожаных мешках. В деревне имеется общественная баня, для которой каждая семья в соответствии с ее численностью должна доставлять с гор топливо.

Пища крестьян весьма однообразна. Мясо употребляется очень редко. Скот режут обычно лишь в случае его заболевания или увечья. Только немногие состоятельные крестьяне режут в году одного-двух баранов или коз и сохраняют их мясо на зиму. Молочные продукты: молоко, кислое молоко, пахтанье (дуг), сушеное кислое молоко (кашк), сыр — употребляются в большом количестве. Основная же пища крестьян — растительная, главным образом пшено, пшеница, зелень, состоящая, как правило, из горных растений, изредка рис. Ежедневно в каждой семье варится «аш» — суп, который едят большими деревянными ложками. Есть несколько видов аша: аш из ободранной пшеницы, которую варят со свеклой и чечевицей и едят с пахтаньем, крупяной аш, аш с лапшой и другие. Иногда готовят также плов, причем вместо риса обычно употребляется пшено. Имеется несколько видов плова. Готовят также несколько видов пищи из молока. Хлеб пекут из пшеничной, ячменной и пшенной муки. Употребляют два вида хлеба: 1) тонкий — лаваш (бали нан) — его едят обычно с сыром и 2) черный, круглый грубый хлеб из ячменной муки, который размачивают в супе, молоке, пахтанье. Хлеб пекут раз в неделю. На праздники, для гостей и в других подобных случаях в состоятельных семьях пекут сдобный пшеничный хлеб из теста на молоке с яичным желтком и орехами (шир-мал). Иногда в тесто кладут душистые горные травы. Чай пьют один раз в день — вечером после работы.

Одежда жителей очень проста и большей частью местного изготовления. Автор пишет, что в соуджбулагской деревне Валиан, расположенной в двух фарсах (около 14 км) ниже Оуразана у автомобильной дороги, старинная деревенская одежда вытесняется городской. С каждым годом там все чаще встречаются европейские головные уборы, пиджаки и брюки, женские платья. В Оуразане городское влияние в одежде крестьян сказывается еще очень мало. Даже молодые парни, вернувшиеся в деревню с военной службы, мужчины, которые уходят на заработки на угольные шахты Абеек и Хиу, и женщины, работавшие прислугами в Тегеране, очень редко сохраняют городскую одежду. Вернувшись в деревню, они снова начинают носить местный деревенский костюм. Мужчины надевают на тело холщевую рубаху с воротом, застегиваемым на правой стороне самодельными, сделанными женщинами из веревок пуговицами. Рукава не имеют пуговиц и обшлаг, а подвязываются широкими в концы рукавов тонкими шнурками. На рубаху надевается «габа» — верхняя одежда из синего холста с открытым воротом, не доходящая до колен. Старики носят

зе длинную «габа». Габа подпоясывается чаще всего кожаным ремнем, а иногда трюком или шерстяной шалью. Шаровары шьют из синего холста, внизу они закреплены завязками. Нижнего белья нет. На всю семью обычно имеется один войлочный плащ — «шоула», который берут с собой в поездки, на оросительные работы или да приходит очередь пасти скот. Зимой носят шерстяные носки, шарф и рукавицы козьего пуха с одним большим пальцем. Имеются такие же кожаные рукавицы работы на уборке урожая. В теплое время года носят обувь «гиве» с толстыми ошвами, сшитыми в несколько рядов из кусков старого синего холста. Гиве стовляются в деревне несколькими крестьянами — специалистами этого дела. Гиве, в снег и дождь, выходя из дома, надевают на ноги не гиве, а «чарой» — грубую ланую обувь на кожаной подошве, наполовину закрывающую подъем. Городские шки и пальто можно увидеть очень редко. Мужчины раз в месяц бреют или стригут оду, пожилые отращивают длинные бороды. На бритые головы надевают войлочную шапку — «колах-е намади».

Женщины носят рубаху с разрезом от горла до живота, застегиваемым на пугогах. Подол рубахи прикрывает верхнюю часть юбки — «шалите», надетой на узкие ного шаровары, закрывающие ноги до подъема. Юбка доходит до колен, имеет го сборок. На рубаху надевается жилетка, пуговицы которой всегда расстегы. Женские рубашки, жилетка и юбка шьются из разноцветного ситца. На ове женщины носят круглую матерчатую шапку. Под нее подвязывают белый плащ, концы которого вместе с собранными сзади в один пучок волосами завязываются руг шеи. Пожилые женщины обычно носят только платок. Жилетку они также не евают, а вместо шаровар и юбки — только юбку, подол которой сшивают посерее: получают, таким образом, широкие складчатые шаровары. Летом женщины евают на ноги гиве, а зимой — чуваки. Молодые женщины иногда красят брови ем жженой косточки горного растения, который они смешивают с маслом. Румяна белила употребляются в случае свадьбы.

Автор сообщает, что жители деревни в большинстве религиозны. В деревне имеют- рукописные кораны. Хотя подавляющее большинство крестьян не умеет читать по- сидски, но некоторые читают напамать отдельные места из корана. В деревне ь местная святыня — гробница (имам заде) двух сендов, считающихся основатеи деревни; крестьяне называют ее «ма'сум заде». Она представляет собой неболье, диаметром около 6 м круглое строение из камня и глины, без окон, с пи- мидальной крышей, окружена террасой с деревянными подпорками и расположена холме рядом с небольшим кладбищем. Крестьяне относятся к своей ма'сум заде к к могиле двух своих предков, не зажигают в ней ни свечей, ни светильника. Посе- ется она редко. В деревне имеются две мечети. Одна из них представляет собой большое помещение, используемое только как мечеть. Другая, большая мечеть, уют также местом собраний. Она имеет «хосейние» (помещение, где происходят аурные представления в память гибели имама Хосейна), а также «нахль» (помеще- е для траурных чтений в месяце мохаррам).

В деревне, как правило, не слышно ни песен, ни плясок, за исключением случаев, гда происходят свадьбы. Обычно свадьбы откладываются на осень, когда заканчи- ются полевые работы. Свадьбы происходят и между родственниками. Калым (хр) невелик — самое большее 50 туманов, приданое также незначительно. бряд свадьбы следующий. Вечером накануне свадьбы товарищи ведут жениха в ню, моют и наряжают в новую одежду, затем ведут в ма'сум заде и в дом его отца. а закате жениха ведут на крышу дома, усаживают в кресло или на стул и дают обе руки по зажженной свече. Один из стариков ставит около него скамью или бурет и бьет по ней палкой, приглашая соседей приносить подарки для молодых. аждый дарит в меру своих возможностей, и таким образом собираются необходимые я молодые вещи. После ужина в дом невесты с женщинами посылают хну, туюе ягоды, яблоки, кишмиш, выкрашенные в разные цвета яйца и т. п. Руки жениха его товарищей красят хной до запястья. Молодые люди остаются в доме до расе- ета, поют, играют на флейте, танцуют. Утром в день свадьбы жених с товарищами ышают родственников, которые угощают их чаем и сладостями. После обеда в доме ца жениху бреют голову, затем старики идут в дом невесты. Если дается приданое ю обычно состоит из сундука, одежды и обязательно кисета для жениха, кушака т. п.), то составляют опись. После этого невесту, которая также накануне вымыта бане и наряжена в новую одежду, сажают на мула и отправляют в дом жениха. олова мула выкрашена хной, сбруя украшена кисточками и побрякушками. Мула здет под уздцы брат невесты или кто-либо из ее близких родственников — мужчин. ругие ее братья или родственники держат ее за руки и идут по сторонам, читая олитвы. Сзади следуют старики и женщины. Не доходя до дома жениха, процессия становливается. Жених и его товарищи поднимаются на крышу дома, откуда виновик торжества трижды бросает в невесту сахар, гранат или яблоко. Если он попадет невесту, это считается хорошим предзнаменованием. Затем невесту подводят к две- ям дома жениха, где ее встречает с кораном в руках его отец или попечитель, кото- ый снимает ее с мула. Жених в это время бросает под ноги невесте жареный ячмень, ишмиш или мелкие деньги. Затем невесту ведут в дом и ставят на тахту со свечой руке. Мужчины уходят, оставляя с невестой женщин, которые танцуют вокруг нее. После полудня все уходят, и жених оказывается с невестой наедине. Перед заходом

солнца их поднимают. В это время на крышах бьют в барабан. Женщины вед молодую, а мужчины — молодого снова в баню. В течение трех дней молодая ни с кем не разговаривает и не дотрагивается ни до черного, ни до белого. В эти дни соседи приносят пищу для молодых.

Оригинальны погребальные обряды. Один из родственников или соседей умершего поднимается на крышу и громко читает молитву. Услышав это, мужчины собираются и идут на кладбище и сообща роют могилу. Затем труп несут к водоему в центре деревни для омовения. Если умерла женщина, водоем загораживают кусками ткани. После этого умершего завертывают в саван и несут к хосейнне. При этом, если умерший — мужчина, то кто-либо из стариков совершает над ним намаз у дзери хосейнне. Если же это женщина, то совершается аналогичная процедура внутри этого помещения. Труп привязывают веревками к носилкам и несут на кладбище, расположенное рядом с деревней. Опустив труп в могилу, кладут на него камень, а затем засыпают землей. После похорон все идут в дом умершего, где читают коран, что делается в течение трех дней, большей частью утром и вечером. В эти дни соседи и односельчане посылают пищу хозяину дома умершего. На третий день смерти хозяин дома умершего устраивает обед. В этот день цирюльник бреет голову хозяина дома и одного из его близких родственников, и этим погребальный обряд завершается. Седьмой и сороковой дни, а также годовщина смерти не отмечаются. Только в Новый год и в день праздника «фетр» (окончание поста) идут на кладбище с хлебом и халвой и читают на могилах своих родственников первую суру корана. Бывают случаи, когда жители деревни общими средствами, проводя соответствующие сборы, берут на себя расходы по поминкам, если семья умершего сама не в состоянии сделать это. В зна траура черную одежду не носят. В редких случаях на могилу кладут надгробные плиты, иногда мраморные, небольшого размера (20×30 см), с вырезанными на них надписями. Автор описывает некоторые надгробные плиты на деревенском кладбище и надписи на них.

В работе Аль-Ахмада приводятся планы, схемы, фотографии: схематическая карта Талеганского района, планы деревни Оуразан, деревенской бани, схема вертикального разреза мельницы; фотографии общего вида деревни, имам заде, деревенской улицы, женщин на молотье, а также рисунки — чесалки для шерсти, сосуд, в котором носят воду, бурдюк для сбивания масла. В конце работы дается словарь: около 300 слов, употребляемых в деревне; 35 выражений и пословиц; две колыбельные песни; две детские игры; сказка о старике и старухе; несколько грамматических примеров и замечаний о произношении, а также спряжение нескольких глаголов.

К сожалению, в работе Аль-Ахмада недостаточно освещены некоторые очень важные стороны жизни в деревне Оуразан, в частности, такие вопросы, которые необходимы для уяснения социально-экономических отношений среди крестьян. Так автор сообщает, что в деревне есть богатые крестьяне, но каковы отношения между ними и бедной, применяется ли наемный труд и в каких формах — об этом в работе ничего не говорится. Давая довольно подробное описание пастбы скота и вообще работ, связанных с животноводством, автор очень мало говорит о земледелии, совершенно не упоминает о сельскохозяйственных орудиях и т. д. Он не приводит также данных об уплачиваемых крестьянами налогах, о количестве скота, об обязанностях крестьян в отношении тех, кто распоряжается вакуфом. Описывая одежду, пищу, свадебные и погребальные обряды, Аль-Ахмад не указывает, какая существует разница в этом отношении между состоятельными, богатыми крестьянами и деревенской бедной, и т. д.

Но, несмотря на эти недостатки, приводимые автором сведения дают яркую картину деревенской жизни. Отсутствие школы при наличии двух мечетей и одной местной святыни — ма'сум заде, сплошная неграмотность, отсутствие какой бы то ни было медицинской помощи и культурного обслуживания, неграмотные деревенские знахарки и лекари, наличие значительных пережитков сельской общины, господство различных предрассудков и пережитков старого быта — такова картина крайней отсталости и низкого уровня общественно-экономического развития деревни Оуразан. Эти черты характерны не только для указанной деревни, но и для других деревень Ирана. Ознакомление с работой Аль-Ахмада будет интересно и полезно каждому, кто интересуется положением в современной иранской деревне.